

**ЯЗЫК (МЫШЛЕНИЕ) И ЖИЗНЬ: ДОЛЖНОЕ И СУЩЕЕ
(раздумья над книгой Ш. Балли «Язык и жизнь»)**

Н. И. Лобанова

**LANGUAGE (THINKING) AND THE LIFE: DUE AND REAL
(reflections on Sh. Bally's book "Language and life")**

N. I. Lobanova

В статье обсуждаются контексты понимания проблемы соотношения языка и жизни с точки зрения Женевской лингвистической школы (на примере Шарля Балли) и с точки зрения философии. В ходе сопоставления этих двух позиций выявлено, что работа, проделанная философами и лингвистами, не только не противоречит, но и дополняет и проясняет друг друга, позволяя по-новому взглянуть на проблему соотношения мышления и жизни, оставленную нам в наследство античной философией.

The paper discusses the context of understanding the problem of correlation of language and life in terms of Geneva Linguistic School (for example, Charles Bally) and from the point of view of philosophy. The comparison of these two positions revealed that the work done by philosophers and linguists, not only does not contradict, but complements and clarifies each other, allowing to take a fresh look at the problem of the relation of thought and life, left as a legacy of ancient philosophy.

Ключевые слова: язык, жизнь, мышление, Шарль Балли, речевая практика, речевые установки.

Keywords: language, life, thinking, Charles Bally, speech practice, speech aims.

Проблема взаимоотношения языка и жизни издавна интересовала филологов и философов. Особый вклад в постановку и решение этого вопроса внесла Женевская лингвистическая школа, в частности, работы Ш. Балли. Попыткой соотнести (сопоставить) между собой решение проблемы взаимосвязи языка и жизни с точки зрения лингвистики и с точки зрения философии – и является данная статья.

В центре исследований Ш. Балли – речь говорящего (во всех ее повседневных проявлениях), потому что только в живой речи язык являет себя как он есть в настоящий момент, и в этом смысле более пригоден для изучения реального процесса мышления, поскольку в своей литературной форме язык (и, соответственно, мысль) появляется уже в отредактированном, отретушированном виде, в каком она никогда не существует в реальный момент говорения.

Исследования Ш. Балли позволяют обнаружить разницу между смыслами, порождаемыми языком философии, и смыслами, бытующими в повседневной речи. Так, он пишет: «В жизни все наши поступки направлены к действию; мы не живем для того, чтобы думать, мы думаем для того, чтобы жить. Человек не занят поисками истины, он ищет только одного – счастья» [2, с. 29].

Высказывание Ш. Балли (его оценка того реального положения, которое мысль – процесс мышления – занимает в нашей обычной жизни) возвращает нас к проблеме, поставленной в свое время М. Шелером: «Может ли мысль иметь цели, отличные от целей существования и выживания?» (иначе говоря: имеет ли по отношению к нашей жизни разум – мышление, способность думать – самостоятельный смысл и значимость) [6]. Словно предвосхищая этот вопрос М. Шелера, Иммануил Кант писал: «Если бы подлинной целью природы в отношении существа, обладающего разумом и волей, было бы его сохранение, его благополучие, то для этого она очень плохо организовала свое мероприятие, избрав исполнителем своего намерения разум творения. Ибо все действия, которые надлежит осуществить во исполнение этого намерения, и все правила поведения намного более

точно были бы предуказаны ему инстинктом и этой цели можно было бы достичь куда более верным способом, нежели тот, каким это может произойти в случае применения разума» [6, с. 49].

Видовое (биологическое) определение человека – homo sapiens. Это, пожалуй, единственный случай в биологии, когда вид определяется не через материальный признак, а через то, что не может быть установлено ни с помощью органов чувств, ни с помощью лабораторного опыта, а именно: разума. Сапиентность как главный отличительный признак человеческого вида от всех других живых организмов указывает на особую, самостоятельную ценность разума как такового в образовании человека (собственно человеческого) в «человеке». Однако в повседневной жизни эта самоценность разума, мысли стирается, отходит на второй план, остается невостребованной. Ш. Балли отмечает: «Работа интеллекта является средством, а не самоцелью, как полагали многие. Эта операция вовсе не производится из любви к пониманию; анализ и понимание – всего лишь средство для достижения цели» [2, с. 36]. Язык же, на котором думает и говорит философ (язык, посредством которого строится философская речь) – принципиально иной, нежели тот, который мы используем в своем повседневном общении. И разница здесь не в наличии терминов. Разница между языком философии и обыденной речью – это разница речевых установок. Речевая установка обыденного языка, как пишет Балли, порождена «нашей жизненной логикой, ориентированной на становление, на цель, на действие» [2, с. 31], по отношению к которому мысль является всего лишь средством, не имеющим самостоятельной ценности. Философ строит свою речь иначе, чем обычный человек: он строит свою речь осознанно, то есть он знает, что он делает, когда он говорит, он знает, что он хочет сказать и что может сказать само слово. Мысль в языке философа является и средством, и целью, и смыслом, одухотворяющим цель. Результатом мыслительного (речевого) философского акта должно быть не действие – а достижение другой мысли (идеи). Язык у философа порождает (и побуждает его, соответственно) не (к) действие(ю), а (к) мысль(и) (мышлению).

Отсюда – особое внимание к акту понимания, которое занимает центральное место в философском диалоге и, по сути дела, является тем, ради чего весь этот философский диалог и затевался.

В повседневной жизни, напротив, акт понимания является лишь средством успешного достижения поставленных целей, поэтому вполне логично (с точки зрения обыденного сознания), что «язык предстает перед вами в качестве оружия, которое использует каждый собеседник с целью воздействия на другого, чтобы навязать свой ход мыслей. Язык беседы управляется инстинктивной, практической риторикой» [2, с. 34], поэтому «слово предстает с точки зрения говорящего как средство воздействия и средство выражения, а с точки зрения слушающего – как источник впечатлений и реакций» [2, с. 77]. Но для животного звуковой сигнал тоже «средство воздействия», с одной стороны, и «источник впечатлений и реакций» с другой. Чем тогда человеческое слово отличается от сигнальной системы животных? Исследования Ш. Балли позволяют сделать неутешительный вывод, что разница между использованием звукового сигнала животными и нашей практикой использования слова в повседневной речи – очень невелика. Бессознательные речевые установки в поведении животного и повседневном общении человека – пугающе схожи. Думаю, не будет преувеличением сказать, что человеческое слово (человеческий язык) становится самим собой (а, значит, сохраняет) принципиальное отличие от сигнальной системы животных только в речи философа или поэта, которая сформирована иной установкой, чем, привычная нам, повседневная речь.

«Всякая мысль, зависящая от жизни («А именно в такой, подчиненной, форме существует для нас мысль; иное, самостоятельное бытие мысли нам незнакомо» – *Н. Л.*), эмоциональна. Стоя перед картиной Рембрандта, я могу дать волю своему восхищению и воскликнуть: «Как это прекрасно!», или же я, поразмыслив, могу обратить охватившее меня чувство в оценочное высказывание: «Это шедевр», но обе формы порождены одинаковым ощущением» [2, с. 32]. Последняя фраза Балли особенно примечательна (в силу своей точности), поскольку раскрывает, что оба суждения (обе формы мысли) «порождены ощущением». Причина мысли (суждения) – эмоция, впечатление, ощущение. Эмоция породила (пробудила) мысль. Но эмоции, ощущения и т. п. – спонтанны, случайны, неконтролируемы, так как являются следствием бессознательных процессов. Мысль же, напротив, по природе своей – осознанна. Как бессознательное может породить осознанное?

В философии принято различать мышление по обыкновению, мышление по мнению и мышление в собственном, подлинном смысле этого слова. Приведенные выше цитаты Ш. Балли являются превосходной иллюстрацией того, что философы бы назвали «мышлением по мнению»; исследования Ш. Балли повседневной речи раскрывают как мысль воспринимается обыденным сознанием: «для простого человека языковые процессы служат лишь для того, чтобы сделать явными его впечатления, желания, намерения» [2, с. 44], а потому мысль носит прикладной характер, используется как подсобное средство для достижения тех целей, которые ставит перед ней жизнь. Отсюда до превращения мысли (мышления) в техно-

логию – один шаг, так как изначальная установка (мысль как обслуживающий персонал) одна и та же, только то, что обыденной жизнью делается стихийно, в технологии становится сознательной установкой. Мысль как самостоятельная ценность обыденной жизнью не востребована. Да и может ли быть иначе, если отцом мысли (в повседневной речи), ее сутью и движущим принципом (или хотя бы поводом к ее возникновению) становятся эмоции, ощущения, желания и прочие порождения бессознательных импульсов, как заметил Ш. Балли: «Речь показывает нам, как в процессе восприятия сенсорные возбуждения передаются через впечатления и через ценностные суждения» [2, с. 29].

Если моя мысль (например, о Рембрандте) порождена эмоцией, впечатлением то возникает вопрос: насколько моя мысль истинна? И насколько она – моя? (так как: чем порождена эмоция? – Не мной же самим, если меня («я») считать проявлением сознания – потому что эмоция не контролируется мной, она только фиксируется в момент своего возникновения, ее бессознательное порождение остается мной незамеченным, и насколько моя мысль – свободна (от породившей ее эмоции, ощущения и т. п. – и на что, в свою очередь, реагирует эмоция, ощущения и т. п. – обнаруживается целая цепь реакций и зависимостей).

Противопоставление мышления по мнению, с одной стороны, и мышления в подлинном смысле этого слова, с другой – это, как поясняет П. Рикёр, «различение между безусловным мышлением и мышлением с помощью объектов, идущих от одной обусловленности к другой» [5, с. 149]. Чем обусловлена моя мысль? – Языком, с одной стороны, и восприятием, с другой, так как кидет разговор на естественном языке, то есть на языке, где не требуется думать, что значит слово, это должно быть сразу само собой понятно». Это создает иллюзию, что я что хочу, то и говорю, что хочу, то и думаю [4]. А чем определяется, что думаю именно то, а не иное? И выражаю свою мысль именно этими словами, а не другими? Почему мне в голову пришло это, а не то? Иначе говоря: каким образом, почему я думаю (и говорю) именно то, что думаю и говорю?..

Может показаться, что от проблем лингвистических (проблем языка) мы ушли в сторону обсуждения проблем сугубо философских, в частности, проблемы того, что является источником нашей мысли. Однако это не так. Еще Ш. Балли отметил: «Мысль и жизнь – вот что должно быть взято за основу для любого исследования» [2, с. 45], потому что, изучая язык, наше повседневное речевое поведение – «мы устанавливаем связь между способом думать и способом говорить» [2, с. 73].

«Бессознательное функционирование языка» [2, с. 37], которое становится предметом размышлений Ш. Балли, свидетельствует о столь же бессознательно протекающей работе мышления. «Бессознательное мышление» (или как пишет сам Ш. Балли: «мысль, сформулированная бессознательно» [2, с. 38]) – это оксюморон, парадокс, абсурд, который является, тем не менее, для нас нормальным, привычным, естественным состоянием, как показывает это наша повседневная, обыденная жизнь.

Фразу, начертанную на одной из колонн древнегреческого храма бога Аполлона – «познай самого

себя» – Сократ сделал основной темой своей жизни и философствования (впрочем, у него одно от другого – в смысле: жизнь от философии – отделить довольно трудно). В конце XX в. В. В. Библихин перевел это требование в вопрос: «Что я говорю (думаю и делаю), когда я (так много всего!) говорю, думаю и делаю?» [3, с. 48]. Философская проблема бессознательности процесса мышления, обсуждавшаяся на протяжении нескольких тысячелетий от Сократа до Библихина, неожиданным образом дала о себе знать в работах выдающегося лингвиста Ш. Балли. В функционировании живой человеческой речи обнаружился парадокс: оказалось, что в процессе создания мысли (слова) сознание практически не участвует, оно только фиксирует результат (сам факт) наличия конкретной мысли, что отражено в выражении: «Мне пришла в голову мысль» (вместо: «Я подумал») – здесь объект заменяет субъект, то есть не субъект производит мысль, а мысль возникает в субъекте, который объективирован (ср.: подлежащим, то есть субъектом, производящим действие в предложении «я подумал» является местоимение «я», а в предложении «мне пришла в голову мысль» подлежащим будет «мысль», которая (согласно значению частей речи) самостоятельно осуществила действие, то есть «пришла» ко мне, который в данном случае является всего-навсего дополнением. Работа мысли заменяется ее констатацией.

«Язык философии» (выражение В. В. Библихина) отличается от обыденного языка не обилием терминологии или иным (более возвышенным и абстрактным, чем в обычном разговорном языке) предметом обсуждения. Язык философии отличается тем, что те процессы говорения и мышления, которые в повседневной речи, в обыденном словоупотреблении совершаются спонтанно – в философии становятся актом сознания (то есть философ стремится сделать их актом осознания и понимания). Обычно мы не в состоянии ответить на вопрос: почему мы думаем так, как думаем и говорим так, как говорим? Что определяет нашу мысль и наш выбор тех или иных языковых средств, необходимых для ее создания и выражения? Мы не знаем, что заставляет нас так говорить и так думать. Философ должен уметь дать себе в этом отчет. (Не в этом ли смысл поисков загадочного философского метода? – В стремлении сделать мысль

(процесс мышления) прозрачной для самой себя, в стремлении увидеть не только итог (результат) мысли, но и ее начало (то, что дает ей начало, что служит ее истоком).

Философия с древности (Демокрит, Гераклит, Парменид) осознала разницу между мышлением по привычке (обыденным мышлением) и мышлением, соответствующим истине (и – своему названию и значению, то есть самому себе). Об этом размышляли Платон и Гегель, Декарт и Кант. Однако, мысль (мышление, сознание) не существует само по себе. Они живут (становятся явными для нас) только в языковом воплощении.

До тех пор, пока предметом лингвистики было не то, как люди говорят на самом деле, а то, как они должны говорить – проблема языка и мышления в их соотносительности с жизнью была неполной. Создавалось впечатление, что то, о чем на протяжении столетий размышляли философы – как преодолеть разницу между мышлением по мнению и мышлением по истине – было проблемой, порожденной в значительной степени искусственно, не имеющей под собой, кроме философских абстракций, никаких реальных оснований (вспомним, например, спор Диогена и Платона о том, есть ли лошадность).

Однако, постановка в центр исследований Женевской лингвистической школой, и, в частности, Ш. Балли, повседневной речи, особое внимание к тому, как люди говорят на самом деле (по своему обыкновению) подтвердили (актуализировали, вывели из забвения) проблему, поставленную философией почти три тысячи лет тому назад.

XX век стал веком развенчания человеческих мифов о самом себе. От того, что человек должен думать, делать и говорить – философы, социологи и лингвисты обратились к исследованию того, что он в действительности думает, делает и говорит [1, с. 12]. Это означает, что древнее философское требование «познай самого себя» не только не потеряло своей актуальности, но приобрело новую остроту и значимость (проблематичность).

В разоблачении иллюзий, в установлении правды относительно того, как я думаю и говорю (как реально протекает процесс моего мышления и речи) – особая, неопределимая заслуга Шарля Балли.

Литература

1. Асп Эрки. Введение в социологию. СПб.: Алетейя, 2000. 248 с.
2. Балли Ш. Язык и жизнь. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
3. Библихин В. В. Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. 420 с.
4. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии; под ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Аграф, 1999. Режим доступа: http://www.koob.ru/mamardashvili/lekcii_po_antichnoy_filosofii
5. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ // П. Рикёр. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996. 270с.
6. Шелер М. Формы знания и образования // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

Информация об авторе:

Лобанова Нина Исааковна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, nanakrasnoyarsk@yandex.ru.

Nina I. Lobanova – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after Astafiev.

Статья поступила в редколлегию 26.01.2015 г.